

Иван Сергеевич Тургенев

Сон

Иван Сергеевич Тургенев

Сон

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004275*

Аннотация

Полемика о «Сне» и отношении русского писателя к иностранной литературе явилась наиболее значительным эпизодом в обсуждении рассказа. «Сон» появился одновременно с «Новью»; поэтому критики либо разбирали только роман, игнорируя «художественную безделку», либо сочетали анализ обоих произведений – конечно, не в пользу рассказа. Отзывы, в которых критики специально останавливаются на «Сне», немногочисленны, сдержанны и даны исключительно в газетах. В основном отзывы сходны. Критики отказываются давать подробный анализ «Сна» и в лучшем случае пространно пересказывают его содержание, сопровождая пересказ краткими, часто голословными характеристиками и высказываниями.

Содержание

I	4
II	6
III	7
IV	9
V	11
VI	13
VII	15
VIII	17
IX	18
X	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Иван Сергеевич Тургенев

Сон

Рассказ

I

Я жил тогда с моей матушкой в небольшом приморском городе. Мне минуло семнадцать лет, а матушке не было и тридцати пяти; она очень молода вышла замуж. Когда мой отец скончался, мне пошел всего седьмой год, но я хорошо его помнил. Матушка моя была небольшого роста белокурая женщина с прелестным, но вечно печальным лицом, с тихим, усталым голосом, робкими телодвижениями. В молодости она славилась красотой и до конца оставалась привлекательной и милой. Я не видывал более глубоких, более нежных и грустных глаз, более тонких и мягких волос; не видывал рук более изящных. Я ее обожал, и она любила меня... Но жизнь наша проходила невесело: казалось, тайное, неизлечимое и незаслуженное горе постоянно подтачивало самый корень ее существования. Это горе не объяснялось одной печалью об отце, как велика она ни была, как страстно моя мать его ни любила, как свято ни сохраняла память о нем... Нет! тут еще что-то таилось, чего я не понимал, но что

я чувствовал, чувствовал смутно и сильно, как только, бывало, взглядывал на эти тихие и неподвижные глаза, на эти прекрасные, тоже неподвижные, не горько сжатые, но словно навек застывшие губы.

Я сказал, что матушка меня любила; но бывали минуты, когда она меня отталкивала, когда мое присутствие ей было тягостным, невыносимым. Она чувствовала тогда как бы невольное отвращение ко мне – и ужасалась потом, винулась со слезами, прижимала меня к своему сердцу. Я приписывал эти мгновенные вспышки вражды расстройству ее здоровья, ее несчастью... Правда, эти враждебные ощущения могли бы, до некоторой степени, быть вызваны какими-то странными, для меня самого непонятными порывами злых и преступных чувств, которые изредка поднимались во мне... Но эти порывы не совпадали с теми минутами отвращения.

Матушка ходила постоянно в черном, точно в трауре. Жили мы на довольно большую ногу, хотя почти ни с кем не знали.

II

Матушка сосредоточила на мне все свои помыслы и заботы. Ее жизнь слилась с моей жизнью. Такого рода отношения между родителями и детьми не всегда полезны для детей... они скорее вредны бывают. Притом я у матушки был один... а единственные дети большею частью развиваются неправильно. Воспитывая их, родители столько же заботятся о самих себе, сколько о них... Это не дело. Я не избаловался и не ожесточился (то и другое случается с единственными детьми), но нервы мои до времени расстроились; к тому же и здоровьем я был довольно слаб – в матушку, на которую я и лицом очень походил. Я избегал общества своих однолетков; я вообще чуждался людей; я даже с матушкой разговаривал мало. Я пуще всего любил читать, гулять наедине – и мечтать, мечтать! О чем были мои мечты – сказать трудно: мне, право, иногда чудилось, будто я стою перед полузакрытой дверью, за которой скрываются неведомые тайны, стою и жду, и млею, и не переступаю порога – и всё размышляю о том, что там такое находится впереди, – и всё жду и замираю... или засыпаю. Если бы во мне билась поэтическая жилка – я бы, вероятно, принялся писать стихи; если б я чувствовал склонность к набожности, я бы, может быть, пошел в монахи; но у меня ничего этого не было – и я продолжал мечтать... и ждать.

III

Я сейчас упомянул о том, как я засыпал иногда под наитием неясных дум и мечтаний. Я вообще спал много – и сны играли в моей жизни значительную роль; я видел сны почти каждую ночь. Я не забывал их, я придавал им значение, считал их предсказаниями, старался разгадать их тайный смысл; некоторые из них повторялись от времени до времени, что всегда казалось мне удивительным и странным. Особенно смущал меня один сон. Мне казалось, что я иду по узкой, дурно вымощенной улице старинного города, между многоэтажными каменными домами с остроконечными крышами. Я отыскиваю моего отца, который не умер, но почему-то прячется от нас и живет именно в одном из этих домов. И вот я вступаю в низкие, темные ворота, перехожу длинный двор, заваленный бревнами и досками, и проникаю наконец в маленькую комнату с двумя круглыми окнами. Посредине комнаты стоит мой отец в шлафроке и курит трубку. Он несколько не похож на моего настоящего отца: он высок ростом, худощав, черноволос, нос у него крючком, глаза угрюмые и пронзительные; на вид ему лет сорок. Он недоволен тем, что я его отыскал; я тоже несколько не радуюсь нашему свиданию – и стою в недоумении. Он слегка отворачивается, начинает что-то бормотать и расхаживать взад и вперед небольшими шагами... Потом он понемногу удаляется,

не переставая бормотать и то и дело оглядываться назад, через плечо; комната расширяется и пропадает в тумане... Мне вдруг становится страшно при мысли, что я снова теряю моего отца, я бросаюсь вслед за ним, но я уже его не вижу – и только слышится мне его сердитое, точно медвежье, бормотанье... Сердце во мне замирает – я просыпаюсь и долго не могу заснуть опять... Весь следующий день я думаю об этом сне и, конечно, ни до чего додуматься не могу.

IV

Наступил июнь месяц. Город, в котором мы жили с ма-тушкой, об эту пору оживлялся необыкновенно. Множество кораблей прибывало в пристань, множество новых лиц появлялось на улицах. Я любил тогда бродить по набережной, мимо кофейных домов и гостиниц, засматриваться на раз-нородные фигуры матросов и других людей, сидевших под полотняными навесами, перед небольшими белыми столи-ками, за оловянными кружками, налитыми пивом.

Вот однажды, проходя перед одной кофейной, я увидел человека, который тотчас же приковал к себе всё мое внима-ние. Одетый в длинный черный балахон, с нахлобученной на глаза соломенной шляпой, он сидел неподвижно, скрестив руки на груди. Жидкие завитки черных волос спускались по-чти до самого носа; тонкие губы стискивали мундштук ко-роткой трубки. Человек этот до того показался мне знако-мым, каждая черта его смуглого, желчного лица, вся его фи-гура до того несомненно запечатлелась в моей памяти, что я не мог не остановиться перед ним, не мог не задать себе вопроса: кто этот человек? где я его видел? Почувствовав, вероятно, мой пристальный взгляд, он возвел на меня свои черные, колючие глаза... Я невольно ахнул...

Этот человек был тот отец, которого я отыскивал, которо-го я видел во сне!

Не было возможности ошибиться, – сходство было слишком поразительно. Самый даже долгополый балахон, облекавший его худощавые члены, цветом и складом напоминал тот шлафрок, в котором являлся мне мой отец.

«Уж не сплю ли я?» – подумалось мне... Нет... Теперь день, кругом шумит толпа, солнце ярко светит с голубого неба, и передо мной не призрак, а живой человек.

Я подошел к порожнему столику, спросил себе кружку пива, газету – и сел в недалеком расстоянии от того загадочного существа.

V

Поставив лист газеты в уровень лица, я продолжал пожирать незнакомца глазами. Он почти не шевелился и лишь изредка приподнимал понурюю голову. Он явно ждал кого-то. Я глядел, глядел... Иногда мне казалось, что я всё это выдумал, что сходства собственно никакого нет, что я поддался полуневольному обману воображения... Но «тот» вдруг повернется немного на стуле или руку слегка поднимет – и я опять чуть не ахну, опять вижу перед собой моего «ночного» отца!

Он, наконец, заметил мое неотвязчивое внимание и, сперва с недоумением, потом с досадой взглянув в мою сторону, собрался было встать – и уронил небольшую тросточку, прислоненную им к столу. Я мгновенно вскочил, поднял и подал ему ее. Сердце во мне сильно билось.

Он натянуто улыбнулся, поблагодарил меня и, приблизив свое лицо к моему лицу, поднял брови и раскрыл немного губы, словно что его поразило.

– Вы очень вежливы, молодой человек, – заговорил он вдруг сухим и резким, гнусливым голосом. – В теперешнее время это редкость. Позвольте вас поздравить: вы получили хорошее воспитание.

Не помню, что именно я ответил ему; но разговор скоро завязался между нами. Я узнал, что он мой соотечественник,

что он недавно вернулся из Америки, где прожил много лет, и скоро опять туда отправляется. Он назвал себя бароном... имени я не мог хорошенько расслышать. Он так же, как мой «ночной» отец, оканчивал каждую свою речь каким-то неясным внутренним бормотаньем. Он пожелал узнать мою фамилию... Услыхав ее, он опять как будто изумился; потом он спросил меня, давно ли я живу в этом городе и с кем. Я отвечал ему, что живу с моей матерью.

– А батюшка ваш?

– Мой отец давно умер.

Он осведомился о христианском имени моей матери и тотчас же рассмеялся неловким смехом – а потом извинился, говоря, что у него такая американская манера и что вообще он чужак порядочный. Потом он любопытствовал узнать, где находится наша квартира. Я сказал ему.

VI

Волнение, овладевшее мною в начале нашего разговора, постепенно утихло; я находил наше сближение несколько странным – и только. Мне не нравилась улыбочка, с которой г-н барон меня расспрашивал; не нравилось также выражение его глаз, когда он их словно вонзал в меня... В них было что-то хищное и покровительственное... что-то жуткое. Этих глаз я во сне не видел. Странное было лицо у барона! Поблеклое, усталое и в то же время моложавое, неприятно моложавое! У моего «ночного» отца не было также того глубокого шрама, который косвенно пересекал весь лоб моего нового знакомца и которого я не заметил до тех пор, пока не подвинулся к нему поближе.

Не успел я сообщить барону название улицы и номер дома, где мы жили, как высокого роста арап, закутанный в плащ по самые брови, подошел к нему сзади и тихонько постучал ему по плечу. Барон обернулся, промолвил: «Ага! наконец-то!» – и, слегка кивнув мне головою, отправился вместе с арапом в кофейную. Я остался под навесом, я хотел дождаться выхода барона, не столько для того, чтобы снова заговорить с ним (я собственно не знал, о чем бы я мог поведи с ним речь), сколько для того, чтобы снова проверить свое первое впечатление. Но минуло полчаса; минул час... Барон не появлялся. Я вошел в кофейную, пробежал по всем ком-

натам – но нигде не увидал ни барона, ни арапа... Они оба, должно быть, удалились через заднюю дверь.

У меня голова немного разболелась – и я, чтобы освежиться, отправился вдоль морского берега до просторного загородного парка, разведенного лет двести тому назад. Погуляв часа два в тени громадных дубов и платанов, я вернулся домой.

VII

Служанка наша бросилась мне навстречу, вся перетревоженная, как только я появился в передней. Я тотчас догадался по выражению ее лица, что во время моего отсутствия что-то недоброе произошло в нашем доме. И точно: я узнал, что час тому назад в спальне моей матери внезапно раздался страшный крик; вбежавшая служанка нашла ее на полу, в обмороке, который продолжался несколько минут. Матушка наконец пришла в чувство – но принуждена была лечь в постель и вид имела испуганный и странный; ни слова не говорила, не отвечала на расспросы – всё только оглядывалась и вздрагивала. Служанка послала садовника за доктором. Доктор пришел и прописал успокоительное средство; но и ему матушка ничего сказать не хотела. Садовник уверял, что несколько мгновений после того, как в матушкиной комнате раздался крик, он увидел незнакомого человека, поспешно бежавшего через клумбы сада к уличным воротам. (Мы жили в одноэтажном доме, выходившем окнами в довольно большой сад.) Садовник не успел рассмотреть лицо этого человека; но из себя он был худощав, носил низкую соломенную шляпу и длиннополый сюртук... «Одежда барона!» – тотчас мелькнуло у меня в голове. Догнать его садовник не мог; к тому же его немедленно позвали в дом и послали за доктором. Я вошел к матушке; она лежала на

постели, бледней подушки, на которой покоилась ее голова. Узнав меня, она слабо улыбнулась и протянула мне руку. Я подсел к ней, стал ее расспрашивать; сперва она всё отнекивалась; наконец, однако, созналась, что увидела нечто такое, что очень ее испугало.

– Кто-нибудь входил сюда? – спросил я.

– Нет, – торопливо ответила она, – никто не приходил, но мне показалось... мне привиделось...

Она умолкла и закрыла глаза рукой. Я хотел было сообщить ей то, что узнал от садовника, да кстати рассказать мою встречу с бароном... но почему-то слова замерли у меня на губах. Я решил, однако, заметить матушке, что привидения обыкновенно не показываются днем...

– Оставь, – прошептала она, – пожалуйста; не мучь меня теперь. Ты когда-нибудь узнаешь...

Она умолкла опять. Руки у нее были холодные и пульс бился скоро и неровно. Я дал ей выпить лекарство и отошел немного в сторону, чтобы не беспокоить ее. Целый день она не вставала. Она лежала неподвижно и тихо, лишь изредка глубоко вздыхая и пугливо раскрывая глаза. Все в доме недоумевали.

VIII

К ночи с матушкой сделалась небольшая лихорадка – и она отослала меня. Я, однако, не ушел к себе, а лег в соседней комнате на диване. Каждые четверть часа я вставал, подходил на цыпочках к двери, слушал... Всё оставалось безмолвным – но матушка едва ли заснула в ту ночь. Когда я рано поутру вошел к ней – лицо ее казалось воспаленным, глаза блестели неестественным блеском. В течение дня ей несколько полегчало, но к вечеру жар опять усилился. До тех пор она упорно молчала, а тут вдруг начала говорить уторопленным, прерывистым голосом. Она не бредила, в ее словах был смысл – но не было никакой связи. Незадолго до полуночи она внезапно, судорожным движением, приподнялась в постели (я сидел возле нее) и тем же поспешным голосом, беспрестанно отпивая воду глотками из стакана, слабо помахая руками и ни разу не взглянув на меня, принялась рассказывать... Она останавливалась, делала над собой усилие и продолжала снова... Так это всё было странно, точно она всё это делала во сне, точно она сама отсутствовала, а кто-то другой говорил ее устами или заставлял ее говорить.

IX

– Послушай, что я тебе расскажу, – начала она, – ты уже не молодой мальчик; надо тебе всё знать. У меня была хорошая приятельница... Она вышла за человека, которого любила всем сердцем, – и она была очень счастлива с своим мужем. В первый же год брака они поехали оба в столицу, чтобы провести там несколько недель и повеселиться. Они остановились в хорошей гостинице и много выезжали по театрам и собраниям. Моя приятельница была очень недурна собой – ее все замечали, молодые люди за ней ухаживали, – но был между ними один... офицер. Он следил за нею неотступно, и где бы она ни была, она всюду видела его черные, злые глаза. Он с ней не познакомился и ни разу с ней не говорил, только всё глядел на нее – так дерзко и странно. Все удовольствия столицы были отравлены его присутствием – она начала уговаривать мужа уехать поскорее, и они уже совсем собрались в путь. Однажды муж ее отправился в клуб: его пригласили офицеры – одного полка с тем офицером – играть в карты... Она в первый раз осталась одна. Муж долго не возвращался – она отпустила служанку, легла в постель... И вдруг ей стало очень жутко – так что она даже вся похолодела и затряслась. Ей почудился легкий стук за стеною – так собака царапает, – и она начала глядеть на ту стену. В углу горела лампада; комната была вся обита штофом... Вдруг что-то

там шевельнулось, приподнялось, раскрылось... И прямо из стены, весь черный, длинный, вышел тот ужасный человек с злыми глазами! Она хотела закричать и не могла. Она совсем замерла от испуга. Он подошел к ней быстро, как хищный зверь, бросил ей что-то на голову, что-то душное, тяжелое, белое... Что было потом, не помню... не помню! Это походило на смерть, на убийство... Когда, наконец, рассеялся тот страшный туман – когда я... когда приятельница моя пришла в себя, в комнате не было никого. Она опять – и долго – не в силах была закричать, закричала наконец... потом опять всё смешалось...

Потом она увидела возле себя мужа, которого до двух часов ночи задержали в клубе... На нем лица не было. Он стал ее расспрашивать, но она ему ничего не сказала... Потом она занемогла... Однако, помнится, оставшись одна в комнате, она осмотрела то место в стене... Под штофной обивкой оказалась потаенная дверь. А у самой у ней с руки пропало обручальное кольцо. Это кольцо было необыкновенной формы: на нем чередовалось семь золотых звездочек с семью серебряными; это была старинная семейная драгоценность. Муж спрашивал ее, что случилось с кольцом: она ничего не могла ответить. Муж подумал, что она как-нибудь его обронила, искал везде, но нигде не нашел. Тоска на него нашла, он решился как можно скорей домой уехать, и как только доктор позволил – они покинули столицу... Но представь! В самый день отъезда они на улице вдруг наткнулись на носилки...

На этих носилках лежал только что убитый человек с разрубленной головой – и представь! этот человек был тот самый страшный ночной гость с злыми глазами... Его убили за карточной игрой!

Потом моя приятельница уехала в деревню... сделалась матерью в первый раз... и прожила с мужем несколько лет. Он никогда ничего не узнал, да и что могла она сказать? Она сама ничего не знала.

Но прежнее счастье исчезло. Темно стало в их жизни – и никогда уже не прекращалась эта темнота... Других детей у них не было ни прежде, ни после... а этот сын...

Матушка вся затрепетала и закрыла лицо руками...

– Но скажи теперь, – продолжала она с удвоенной силой, – разве моя знакомая в чем-нибудь виновата? В чем она могла упрекнуть себя? Она была наказана, но разве она не вправе перед самым богом объявить, что наказание, которое ее постигло, несправедливо? Так почему же ей, как преступнице, которую терзают угрызения совести, почему может ей представиться прошедшее в таком ужасном виде, после стольких лет? Макбет убил Банко – так не удивительно, что ему может мерещиться...¹ а я...

Но тут речь матушки до того запуталась и смешалась, что я перестал ее понимать... Я уже не сомневался в том, что

¹ *Макбет убил Банко ~ ему может мерещиться...* – В трагедии Шекспира «Макбет» (1623) призрак убитого Макбетом Банко появляется на пиру и занимает место Макбета (акт III, сцена 4).

она бредит.

Х

Какое потрясающее впечатление произвел на меня рассказ матушки – легко поймет всякий! Я с первого ее слова догадался, что она говорит о самой себе, а не о какой-то своей знакомой; ее обмолвка только подтвердила мою догадку. Стало быть, это точно был мой отец, которого я отыскивал во сне, которого я видел наяву! Он не был убит, как полагала матушка, а только ранен... И он приходил к ней и бежал, испуганный ее испугом. Всё мне стало вдруг понятно: и чувство невольного отвращения ко мне, которое иногда пробуждалось в моей матери, и ее постоянная грусть, и наша уединенная жизнь... Помнится, голова у меня ходила кругом – и я хватался за нее обеими руками, как бы желая ее удержать на месте. Но одна мысль засела во мне гвоздем: я решил непременно, во что бы то ни стало, снова найти этого человека! Зачем? с какою целью? – я не давал себе отчета, но отыскать... отыскать его – это сделалось для меня вопросом жизни или смерти! На следующее утро матушка, наконец, успокоилась... лихорадка прошла... она заснула. Препоручив ее попечениям наших хозяев и слуг, я отправился на поиски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.